

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

РАЙСКАЯ МАШИНА

Михаил Успенский

Райская машина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30808207
Strelbytskyy Multimedia Publishing; Киев; 2018
ISBN 9781387489954*

Аннотация

«Райская машина» – это, без преувеличения, настоящий прощальный поклон Успенского своим читателям. Впервые опубликованную в 2009-м, книгу буквально сразу восприняли как своего рода исповедь Мастера и Фантаста, как предупреждение всему человечеству. Жанр этого произведения – постапокалиптика (хотя по сюжету апокалипсис ещё только ожидается). Фактически автор попытался показать всем нам, что такое мир, где «фашизм – естественное состояние человечества». Серый ужас, в который всё человечество загоняется легко и довольно просто, ещё более устрашающ своей безысходностью и безальтернативностью. И есть ли спасение от всего этого, совершенно неясно. Сюжет книги довольно прост: преподаватель университета Роман Ильич Мерлин вместе со своими друзьями участвует в создании мощной корпорации «Фортеция». Тут занимаются всем – от электроники до дирижаблестроения. По независящим от героя обстоятельствам, скрываясь от преследований, несколько лет он вынужден прожить отшельником в глубокой тайге. А вот то, что он увидит,

когда решит покинуть своё убежище, поразит не только его воображение...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	19
Глава 2	28
1	28
2	33
Глава 3	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Успенский

Райская машина

Глава 1

– Чёрную игрушку я сделал, Ассоль, – спи!
Александр Грин

1

... – Однажды мастер Хакуин спустился с горы Тодасё и отправился с чашкой для подаяний в ближайшее селение, где постучался в первую попавшуюся хижину. Старая хозяйка отворила, и мастер быстро выставил ногу, чтобы она не закрыла дверь. Старуха обозвала Хакуина дохлой жабой и отказала в милостыне – самой-де жрать нечего. Но тут Хакуин внезапно задумался над смыслом прихода Дарумы с Запада и как бы застыл. Злая бабка повторила свой отказ. Мастер оставался неподвижен. Так повторилось несколько раз. Наконец рассерженная старуха взяла метлу и что было сил треснула прищельца по голове. Хакуин потерял сознание и упал, но поднялся с земли уже совсем другим человеком. С тех пор мастер то и дело отправлял своих учеников в ту хи-

жину, говоря, что злая старуха одна во всей Японии правильно понимает дзен. Некоторые, впрочем, утверждают, что это произошло с мастером Уммоном, но не один ли хрен, то есть васаби? И кому я всё это говорю? Кто бы откликнулся, если слева одна тайга и справа одна тайга, а впереди и за спиной – просека высоковольтной линии, поросшая иван-чаем и малиной? Ягоде был ещё не срок, а лиловые цветы в обрамлении неряшливого пуха имелись в изобилии.

А в небе над просекой неторопливо плыл навстречу мне очередной Град Небесный о двенадцати вратах...

Кажется, внешний мир остался прежним...

Я сидел на бетонном основании опоры и отдыхал.

Отдыхала и сама опора: не висел над головой непреходящий гул электронов, силком перегоняемых к потребителю, не слышно было никаких потрескиваний, а один провод вообще бессильно повис, перебитый метким выстрелом. Изоляторы тоже были расстреляны неведомыми охотниками и засыпали землю фарфоровыми осколками.

– Энергия без проводов! А-ба-жаю! До чего дошла наука! – восхитился я – опять-таки вслух.

Чистая и сухая портянка есть высочайшее достижение цивилизации, данное нам в ощущениях. Я снова похвалил себя, что захватил «сменку», – дорогой не раз пришлось брести по снегу, который и не думал таять на северных склонах.

Холодная ночёвка тоже обошлась – в горле не першило, не ломило суставы.

Я сидел, прислонясь к нагретому железу опоры, здоровый и счастливый. Не сбылись прогнозы Панина, не завёл меня в дебри топографический идиотизм. Есть просека – можно выйти к людям. Куда только ближе – вперёд или назад? Разберёмся...

– Кто бы ещё подвёз! – безнадёжно возмечталось мне.

Но ходили здесь разве что вездеходы ремонтников, да и то давненько – опору уже сто лет не красили в алюминиевый цвет.

Итак, я самоутвердился и задремал. Но снилась всякая дрянь, что приходит обыкновенно в короткие дневные забвенья, – экзамены, погони, чувство вины, реформа образования... Снова объявились привязавшиеся давным-давно строчки из единожды услышанной баллады: «Ты обманывал нас, францисканский монах, – вечной жизни теперь не бывает...» О чём была эта баллада, что за францисканский монах, отчего теперь не бывает вечной жизни – я уже запомнил, но обрывки то и дело всплывали в сознании.

Наконец передо мной открылся чёрный провал в скалах, а из пещеры с рёвом вылезал дракон, окутанный клубами вонючего синего дыма.

Дым валил такой густой и настоящий, что я закашлялся и проснулся.

Дракон был ярко-оранжевый, огромный, он длился и длился, словно имперский звёздный крейсер из давней кинопародии. Вдоль драконьего бока тянулась чёрная готиче-

ская надпись: «Герцогиня де Шеврез».

Кто осмелился выкрасить огромный ракетный тягач в неуставной цвет и наречь его именем французской интриганки, которая то ли жила, то ли не жила лет четыреста назад?

Смельчак сидел в широкой водительской кабине и явно радовался чужому человеку. Был это брюнет средних лет, седоватый, с тёмным лицом в причудливых усах. На голове водилы сияла «крабом» форменная щегольская фуражка, из-под кителя с погонями выглядывала тельняшка. Только вот китель был не флотский...

Когда я подошёл поближе, дверь открылась, и странный моряк кивнул подбородком на скобы лестницы.

– Алала, охотничек! Хотя карабин, борода, оставить придётся, – сказал водила. – Я же без ракеты езжу – и ничего!

– Здравствуйте! – неуверенно сказал я – вспомнил, что именно так надо начинать разговор с людьми. Какая такая «алала»? – Карабин зарегистрирован, разрешение имеется, а что «сайга» на «акээм» смахивает, так я не виноват. Хороший карабин, дорогой, с прибабасами. Начальство мне голову снимет, – добавил я на всякий случай.

– Психи разбираться не будут – «калаш», не «калаш», – сказал водила. – Они тебе голову снимут помимо всякого начальства. Они же дикие. Они же и без карабина расстрелять могут.

– Тогда какой смысл? – сказал я. – А вещь хорошая...

– Смысл такой, что могут и не расстрелять, – пояснил во-

дила. – Хотя вещь и вправду хорошая... Слушай, ты его разбери да положи в рюкзак, у тебя рюкзак подходящий, а я твоё добро в каптёрочку спрячу. У меня там чёрт ногу сломит. Это же казарма на колёсах. Может, и не найдут, а просто так пуస్తят в расход, от нечего делать...

– Да какие психи? Кто им позволил? – воскликнул я.

– Ну, психи, черти то есть... Совет Безопасности ООН – слышал про такой? Контингент Сил Милосердия. Или ты из староверов? Вон как зарос... Ладно, сховаю я твою пушку, а там уж как получится... Может, и не встретим мы никаких психов...

С этими словами водила вылез из кабины. Помимо кителя на нём были галифе с лампасами, а за голенищем сапога торчала нагайка.

– Моряк в седле... – восхищённо сказал я.

– Совмещаю, – ответил водила. – Я же вольный. Ни к какому банку не приписан. Капитан торгового флота Денница Светозар Богданович к вашим услугам! В Крайск?

Ну да, ну да. Я, конечно, не надеялся, что первый встречный окажется Иваном Ивановичем Ивановым, но Светозар Богданович Денница – это, знаете, зашкаливает...

– Туда, – еле выговорил я. – А я Мерлин Роман Ильич. В настоящее время... без определённых занятий.

– Ну, я тоже на временном отдыхе, – сказал капитан Денница. – Давай рюкзак. Слава богу, есть где спрятать. Без ракеты-то я тут такого нагородил – салон-вагон правитель-

ственный!

Он взял рюкзак, снова поднялся на подножку и скрылся в недрах своего салон-вагона. Потом вылез и жестом пригласил меня в кабину.

– Вместе веселее! – объявил он.

Вместе и вправду стало веселее. Я-то боялся, что вовсе отвык в последние месяцы от собеседников, но капитан говорил за двоих и более.

– При немцах лучше было! – воскликнул он, когда двигатель взревел. – У немцев порядок – вот это можно, а это ферботен. Так нет же, нашлись умники, решили, что германские черти в России есть историческая бестактность. Заменяли немцев на психов. А психам – им что? Они свою родную Индиру Ганди замочили и не поморщились, что им русский человек! Ничего, наши ребята сейчас небось в какой-нибудь Гонделупе вот так же народишко бекарасят! Силы Милосердия – это, знаешь...

Что он несёт? Может, «трава» крепка, «колёса» наши быстры?

Но покойная Индира Ганди кое-что прояснила в моём бедном сознании.

– Сикхи! – радостно вскричал я. – Сикхи, а не психи!

И тут же снова сник – что делают сикхи в Сибири, пусть даже в такой жаркий день?

Конечно, задумался-то я вслух.

– Нет, борода, ты точно старовёр! – воскликнул капитан

Денница. – От этих сикхов совсем продыху нет! – он хихикнул. – Они зимой прибыли, в самые морозы, на Крещение. Помёрзло их – не считано! Потом догадались, пристроились к одиночкам да разведёнкам, вот и выжили... Теперь лютуют, стреляют во всё, что движется. И не возрази – в Комиссии сказали: если вам сикхи не хороши, вообще чертей-хохлов пришлём, тогда узнаете... Ты, борода, полный мракобес – не стесняйся! Я же знаю, что вы газет не читаете, радио не слушаете, чужими людьми брезгуете...

– Да нет, я не старообрядец, – сказал я и вроде даже устыдился этого. – Я... Я в их деревне жил, песни записывал...

Врать было стыдно, говорить правду – бессмысленно...

– Песни он записывал! – засмеялся капитан. – Солнце всходит и заходит! Ладно, Светозар Денница на тебя стучать не станет. С Дону да с моря выдачи нет. Аусвайс у тебя в порядке?

– В порядке, – поспешно заверил я. – Только паспорт я не менял, может, вы и вправду на биометрию перешли?

Я достал из внутреннего кармана книжицу цвета запёкшейся крови. Денница недовольно глянул и сказал:

– Разве это паспорт? Фуфло это, а не паспорт! Нынче у законопослушного гражданина Земли вместо паспорта чвель!

– Какой чвель? – испуганно спросил я.

– Вот же темнота! – досадливо сказал капитан. – Теперь каждому гражданину выдают после генетической проверки чвель. Он тебе и аусвайс, и брачное свидетельство, и сани-

тарная книжка, и военный билет, и водительские права...

Водила полез в бардачок, вытащил какую-то бирку на шнурке и сунул её мне.

Я полез в карман, вооружился очками и стал рассматривать чвель.

Это была костяная на вид и пластмассовая на ощупь желтоватая пластинка неправильной формы с закруглёнными краями. Пластинка была разрисована продольными и поперечными линиями, концентрическими кругами, примитивными человеческими фигурками и многоногими рогатыми зверями. Более всего чвель походил на варварский амулет вроде чуринги австралийских аборигенов.

Последние слова я, как оказалось, опять произнёс вслух.

– Правильно! – сказал Денница. – Как раз в Австралии сохранились несколько подлинных натуральных чвелей из лопаточной кости арида. Мой-то, конечно, из пластика, как у всех людей. Аридовый чвель простому человеку нипочём не полагается! Разве что чудом...

– И что всё это значит – кружочки, человечки?

– Это – мой жизненный путь, полный приключений и опасностей! – гордо сказал капитан Денница. – А также генетическое свидетельство. Если хочешь знать, я из клана Синего Лена с небольшой примесью этих... как их... лузоргов, что ли... Это и по причёске видно!

Капитан снял фуражку и повернулся, как мог, ко мне затылком. На затылке волосы были поделены на несколько

хвостиков, наподобие оленьих. Где-то я видел такие хвостики, только вспомнить не мог... И странное родимое пятно где-то видел...

– В Крайске первым делом к парикмахеру пойду, – сказал Денница. – Надо готовиться, блюсти традиции. А то я тут в тайге с вами совсем одичал...

«Первым делом к психиатру тебе надо», – чуть не ляпнул я, но произнёс только:

– Да, большие у вас перемены, совсем я от жизни оторвался...

Потому что не пешком же идти! Да пора бы уже и привыкнуть к тому, что тихим и безобидным безумцам дозволено жить среди нормальных людей. Но сколько их нынче осталось, нормальных-то?

Неугомонный мой язык всё же повернулся спросить:

– А что, неужели наши должностные лица в этих чвелях разбираются?

– Уес! Ты не поверишь – даже милиция! Они на специальных курсах обучаются. Менты, конечно, в наших чвелях видят только негатив – судимости там, алименты, кредиты невыплаченные... Или что зачат постом...

Я вздрогнул.

– Понятно, чвель при предъявлении лучше в купюру завернуть, тогда и будет он хороший, позитивный...

Видно, до бескорыстных ментов даже шизофреники не додумались ещё...

«Герцогиня де Шеврез» между тем неуклонно продвигалась вперёд, сминая заросли иван-чая.

– Пух этот холерный всё время решётку забивает, – пожаловался капитан. – Надо же было к цвету подгадать...

– Двадцать километров делаем, – сказал я, чтобы отвлечь водилу от навязчивых идей. – Неплохо.

– Можно и все тридцать, но лучше не рисковать.

С этими словами Денница притормозил, достал из того же бардачка трубку и набил её. Я хотел было предложить свою помощь, но трубка каким-то образом задымилась сама, словно в неё был встроен и прикуриватель.

– Сам-то не смолишь? – спросил капитан.

– И не смолил, – сознался я.

– Счастливый, – сказал Денница. – А мне-то в городе каково! Седой, да ещё и задымишь, по привычке, на улице... тут тебе и кранты! Уес! Или антеникотинный патруль, или сопляки-отморозки... Не отравляй, падла олдёвая, нашу юность! И забьют до смерти... Если потерпевший курил – считается смягчающее обстоятельство...

– Светозар Богданович, а где вы капитанили? – с подчёркнутой вежливостью спросил я – всё с тем же намерением вернуть собеседника к реальности.

– На северных реках в основном...

– А куда ходили?

– Плавали и в Мангазейск, и в Юрлу, и в Черединку... Только недавно в Крайск перебрался.

Слово «плавали» меня несколько напрягло.

– Речной волк, значит?

– Уес! Речной волк, – тряхнул сивой чёлкой Денница и выпустил клуб душистого дыма.

– Это хорошо, – неизвестно почему сказал я. – А как называлось ваше судно?

– Дизель-электроход «Механик Гаврилов» класса «река-море-река», – гордо сказал капитан. – Полста узлов давали!

«Полста узлов» я покорно проглотил и спросил только:

– А кто такой механик Гаврилов?

– Вот же темнота чалдонская! – рассмеялся речной волк. – Механик Гаврилов – это второй или третий муж актрисы Людмилы Гурченко!

– Вопросов нет, – поспешно заверил я, хотя вопросов было навалом, и сыпались они, как из худого мешка: – А отчего же китель не морской? И нагайка?

– Так я же ещё и капитан Алдинского казачьего войска! Корни мои на Дону, вот я к местным и приписался...

– Вы говорите «капитан» – в смысле есаул?

– Ну так уес... в смысле... Он самый... Да брось ты, борода, выкать! Тут у нас не выкают! Казаки мы самые коренные, шашкой вскормленные, в седле лелеянные, не сомневайся!

– Ну ты, мужик, даёшь! – снова не удержался я от провокации.

Но есаул Денница и на «мужика» не обратил ни малей-

шего внимания – как и большинство нынешних самозванных станичников. А-ба-жаю! Коренной казак поучил бы оскорбителя нагайкой...

– А что? Мой жизненный путь был сложен и противоречив...

Для меня так слишком сложен, подумал я, а вслух сказал:

– Что-то меня в сон клонит...

– Э! Я тебя для чего – спать сюда посадил? – возмутился водила. – Я тебя посадил, чтобы ты сам мне спать не давал, а то заеду куда-нибудь промежду сосен, тогда узнаешь!

– Да разве этой казарме на колёсах что-нибудь сделает-ся? – сказал я восхищённо.

– Уес, машина – зверь! Чистый Ларошфуко! – согласился Денница. – «МАЗ» семь девять ноль семь, и обошёлся он мне, ты не поверишь, в ящик спирта. Главное – вовремя выставить! Из самого Алдинска перегоняю – на баржу не взяли, представляешь? Ни за какие бабки. Сэкономил... Зато тюнинг влетел в копеечку. Я сперва-то собирался на платформе металлолом возить, вот эти самые опоры, да какая-то сволочь в Крайске для этого дела дирижабли приспособила...

Уж я-то знал, кто эта сволочь. Жива, выходит, «Фортеция»! А Панин – сукин сын. Лишь бы с ним ничего не случилось – башку оторву...

– А теперь?

– А теперь туристов буду по тайге катать. Знаешь, сколько сейчас в Крайске иностранцев?

– А как же ЛЭП? Как электричество передают?

– Борода, я же тебе не электрик! Значит, передают как-то, проводок у них такой тоненький, нанохренический, что ли, без потерь прямо к потребителю. Или под землёй... Как ещё сказать? Ты вроде грамотный. Сколько же ты годков в тайге сидел? Ладно, ладно, это твоё дело. Но неужели нынче на зоне политинформации нет или как она там у вас называется?

Я развёл руками. Вот доставит он меня прямо в ментовку... Денница Светозар Богданович...

– Ну, не в бегах я, не в бегах! Был бы я в бегах, так давно бы тебе заточку в бочару пристроил и сам рулил. Учёный я. Историк...

– На зоне кого только нет, – покосился Денница. – Учёный... Я вот даже патентоведа одного там знал... – и осёкся.

Я хлопнул его по плечу и понимающе расхохотался, перехватив инициативу:

– Не бойсь, капитан! Прорвёмся! Не такие зароды метали! Но всё-таки зря ты карабин убрал. Раньше здесь, помнится, медведей было полно. Да какие ушлые! Сюда, на ЛЭП, из города по малину ездили. Так медведь подождёт, пока бабы полные вёдра да коробка наберут, а потом встанет на дыбки и выйдет. Бабы всё побросают – и бежать. Он же спокойно ягоду из вёдер выгребает лапой и жрёт. А коробка грызёт вместе с фанерой – это ему как пирог с малиной...

– Ты, выходит, крайский?

– Выходит, так.

– А чего в тайгу полез?

Сказать я ему не сказал, а вспоминать начал. И вдруг понял, что думаю о себе как о совершенно постороннем человеке... Словно тот мужик из анекдота, что перед исполнением супружеского долга колотится башкой об стену и приговаривает: «Чужая, чужая, чужая...»

2

*Я не могу говорить о рае, ибо там не бывал.
Сэр Джон Мандевиль*

...Было бы непросто объяснить капитану, зачем Мерлин полез в тайгу.

Неприятности начались прямо с нового учебного года.

Мерлин стоял возле доски и с помощью указки пытался внушить студентам, что «боярские дети» – вовсе не дети бояр.

Дверь приоткрылась, и в аудиторию просунулось востренькое лицо мадам Бедокур – секретарши проректора.

– Роман Ильич! Заканчивайте! Сейчас тут встреча с владыкой будет! Никому не расходиться!

Мадам Бедокур принадлежала к особому типу секретарш – такая на вид, чтобы ни жена, ни люди и подумать не могли чего худого. Однажды вечером в парке её хотели изнасиловать какие-то хулиганы, но побоялись. Поэтому ей оставалось только совращать самых слабых духом истфакеров.

– Анна Прохоровна! – взвился Мерлин. – У меня ещё целый академический час!

Студенты недовольно загалдели – они были согласны даже на владыку, лишь бы не на Русь пятнадцатого века. Истфакеры в основном были платные, так что Мерлин читал для

немногих. Но этими немногими он дорожил.

– Вы будете объясняться с Петром Кузьмичом! – пригрозила мадам Бедокур и пропала.

Но Пётр Кузьмич так и не появился – видно, учёл тяжёлый мерлинский характер и подыскал иную аудиторию.

На другой день строптивного преподавателя вызвал декан Прянных и сказал:

– Ты зачем, Рома, нас подставляешь? Зачем, не побоюсь этого слова, противопоставляешь? Мало того, что на учёном совете вы владыку на докторскую степень опрокинули, так ты ещё демонстративно...

– Тогда бери его в штат и дай часы! – рявкнул Мерлин. – У нас не Сорбонна времён Абельяра, и философия пока что не служанка богословия!

– Какая философия? Ты же историк!

Насколько хорошим и свойским мужиком был Прянный в поле, на раскопках, настолько же мерзкий вышел из него администратор.

– Не Сорбонна... Вот и очень плохо, что не Сорбонна, – сказал декан. – Кстати, поступила рекомендация – вычисли среди своих студентов тех, которые зачаты постом.

– Чем? – не поверил Мерлин.

– Постом, – смутился Прянный. Способность смущаться у него ещё сохранилась, хоть и остаточная. – Возьми в кадрах все даты рождения и отсчитай назад девять месяцев. Потом возьми церковный календарь и сопоставь. Великий

пост отметить особо...

– Зачем-ем? – простонал Мерлин.

– Кто бы знал? Так надо, и всё.

– Отчислять будем детей греха? Даже платников?

Декан замахал ручками:

– Об отчислении пока речь не идёт. Просто отметить.

– Добро, – сказал Мерлин. – А вычислять по старому стилю или по новому? И как быть с семимесячными? Погрешность-то серьёзная! Неужели – «Недоноски, поднимите руку?»»

Пряники глубоко задумался. Таких тонкостей он себе и представить не мог – у них в нижнем палеолите привыкли иметь дело с десятками тысяч лет, а не с жалкими неделями.

– Вечно ты всё усложняешь и, не побоюсь этого слова, опошляешь, – сказал он наконец. – Почём я знаю? Сказано – духовность повышать... И ещё сказали – аборт у нас много. И вообще студенты уже внаглую на занятиях кокс нюхают...

– У меня не нюхают, – высокомерно сказал Мерлин. – И аборт не делают. Во всяком случае – на занятиях...

– Ну, как знаешь, – грозно сказал Пряники. То есть это он думал, что грозно. На самом-то деле – противно пискнул.

Потом выступил Мерлин на учёном совете – именно что «выступил». После этого на него стали коситься успешные коллеги и набожные студенты. А сочувствующие шептали: «Рома, не трожь святое – вонять не будет!»

Дело шло к увольнению.

Но это была ещё не беда, а жалкое предвестие.

Дня через два поздно вечером в одинокое жилище Мерлина приехал Панин Сергей Петрович. Не побрезговал великий Лось, не пощадил драгоценного своего времени.

– Какими судьбами такие люди? – обрадовался Мерлин.

– Засада, Колдунович, – сказал Панин и, не раздеваясь, прошёл в гостиную. Там он с трудом втиснулся в кресло. По пути умудрился своротить какую-то тумбочку – даже в опустевшей после хозяйского развода квартире не хватало ему простора. Зазвенело нечто хрупкое.

– «То были люди-гиганты на конях-исполинах», – грустно процитировал Мерлин.

– Дошутился уже, хорош, – сказал Лось.

– А именно?

– Дело на тебя завели, – сказал Панин. – Мутота полная, но не отстанут. И у меня разрулить не получилось. Кому-то ты, крыса кабинетная, на хвост наступил. Ломехузе какой-то, мать их Софья. Чего тебе не сидится? Вечно я вас из всяких заморочек вытаскиваю... Если бы просто ментовка...

– А в чём дело-то?

– Хищение государственного имущества в особо крупных размерах, совершённое с группой лиц, – значительно сказал Панин, запалил сигару и глазами поискал пепельницу, коих у хозяина сроду не водилось. Поэтому пепел пришлось ему

стряхивать в горсточку.

Мерлин растерялся.

– Сохатый, да это вроде не по моему профилю...

– Ну, не знаю. Статью в «Крайском вестнике» тиснул? Тиснул. Вот и прицепились. Нашли статью на твою статью... Не любят тебя, Рома, ой не любят...

– Бред, – сказал Мерлин. – Все мои газетные публикации посвящены героическому прошлому родного края...

– Ты же всегда говоришь, что есть, мол, вечные ценности, – сказал Панин. – Значит, есть и те, кто вечно их расхищает... Боком нам выходит твой золотой пароход...

Роман Ильич застонал.

Действительно, два года назад он написал обширную, на три номера, статью, посвящённую известному эпизоду Гражданской войны в здешних местах.

Дело было в начале лета 1918 года, когда колчаковцы и белочехи тормознули триумфальное шествие Советской власти. Большевикам пришлось сворачивать дела. При этом коммунисты города Крайска были сильно отягощены добром, награбленным у замученных местных буржуев. Отважные экспроприаторы погрузились на пароход «Красный Лоэнгрин» (бывший «Штурман Дальберг») и устремились вверх по реке к Северному Ледовитому океану, дерзко мысля добраться до Петрограда. Молодой генерал Преображенский организовал погоню. Беглецы то ли не управились с командой, то ли у них уголь кончился – только загнали они

судно по высокой воде в один из притоков могучей Алды, а сами разбежались. Вылавливали их казаки по всей лесотундре с помощью тунгусов и старообрядцев. Сокровищ при комиссарах не нашли.

Притоков Алды, речек в основном односложных, существует великое множество: Ыть, Кут, Лядь, Семь, Тын, Быр и так далее... Пойманные комиссары были люди не местные, а капитана с командой они, надо полагать, расстреляли в приступе праведного пролетарского гнева. Допрашивать заезжих большевиков было бессмысленно, для них все речки на одно лицо, да вскоре и некого стало допрашивать: по прибытии в Крайск казаки порубили почти всю компанию шашками – вероятно, в приступе гнева несправедного – прямо на причале.

«Красный Лоэнгрин» стал местной легендой наряду с «золотом Колчака» и «сундуками Каппеля». Именами зверски зарубленных комиссаров называли улицы и школы, а пароход, считалось, в воду канул... Искали, конечно, но начальство менялось, болтливых и любопытных отправляли на Север, добывать иные, полезные ископаемые сокровища, документы терялись, история переписывалась...

Только настырный Мерлин, добравшись до запретных ранее архивов, сопоставил старинные лоции с предсмертной запиской «красной девы» Доры Кривой, мемуарами выжившего черноморского матроса Довгомуда и воспоминаниями штабс-капитана Баумгарта, очутившегося аж в Аргентине, –

и, предположительно, вычислил местонахождение злосчастного «Лоэнгрина». Сам он искать сокровища, конечно, не собирался, а Панину и прочим было не до того. Но власти озаботились, послали группу надёжных людей. В те дни халлявные деньги всем кружили головы...

Пароход действительно обнаружили в указанном месте. Он лежал на боку, сквозь ржавые рваные дыры прорастал тальник. Котёл был взорван. Нашли и несколько скелетов. Только вот драгоценностей не было – ни цепочки, ни перстенька, не говоря уже о слитках...

– А мы ведь в ту пору как раз приподнялись, – напомнил Панин. – Ну вот по-ихнему и выходит: кто пароход просчитал, тот и товар взял...

– А если бы мы разорились? – спросил Мерлин.

– Ещё хуже – сказали бы, что следы заметаем...

– Бред, – повторил Мерлин. – Любой эксперт...

– Эксперт будет не любой, а какой надо эксперт, – сурово сказал Панин. – Такой, какой докажет, что ты ещё пятьсот миллионов налога зажил. Из твоих же коллег экспертов найдут тую хучу. Ты что, не врубился? Они если вцепятся, то уж не отстанут. У них честь мундира. То ли не знаешь? То ли в первый раз? Дело Охлупина помнишь? Замяли, конечно, потом, а здоровья-то не вернёшь. Тоже поначалу думали – бред...

– Будем переживать неприятности по мере поступления, – сказал Мерлин. – А что Сказка говорит?

Дима Сказка был главным юристом в панинской фирме.

– Сказка говорит – если бы обвинение было обоснованным – он бы повоевал. А если такой абсурд – значит, дело решённое...

– Совсем оборзели... – сказал Мерлин.

– На самом деле они не под тебя копают, потому что с группой лиц, – мрачно сказал Панин. Его бульдожья физиономия налилась кровью. – Они под меня копают, под «Фортецию». Дирижаблями Европа заинтересовалась, так и заводилко мой кому-то понадобился... Разорят они фирму, и пойдёт Сергей Панин по Руси торговать с лотка фаллоимитаторами...

– Тогда каким же образом...

– Очень просто! Прессовать тебя будут по всем пунктам, пока ты на меня не покажешь.

– Да что я могу показать?

– Всё! – рявкнул Панин. – Всё покажешь! Ты, Колдун, не борец и сам это знаешь. Но они любого борца ломают. Ты же там не выживешь, мать их Софья. Ты же у нас тонкая натура, творческая. Ты же после этого жить не сможешь – удавишься! Линять тебе надо, пока не поздно. Уматывай хоть к Ленке под предлогом воссоединения семьи. Визу канадскую я мигом сделаю...

– Нет, разумеется, – сказал Мерлин. Но отметил про себя, что как раз такого ответа Панин и ждал.

– А если... Ну, симулируешь рецидив... Жалко, мы на ви-

део не сняли твои художества. Но ты же и до сих пор считаешь всех спятившими, кроме тебя...

– В психушку по новой не лягу! Сам бы там покантовался!

– Тогда просто уезжай! Я тебе кредитные карточки выдам, у тебя действительно деньги есть за рубежом! И не гляди так! Я же о вас, дураках, забочусь! Вы же как дети! Купишь домик в Ницце и живи тихонько. Там нынче полно таких гавриков...

– Гавриков? – взвился Мерлин. – Ты меня равняешь с этими... с этими... – и задохнулся.

Панин погасил сигару метким плевком и спрятал вместе с пеплом в карман старенькой дублёнки. Не при параде был Панин, да и приехал наверняка на старенькой «девятке». Светиться не желал.

– Ладушки, – сказал Панин. – Тогда так. Есть у меня для тебя непыльная работёнка... Кстати, пока не забыл: как это понимать – зачатые постом?

Глава 2

1

...Переночевали с большим комфортом – в супертрейлере «Герцогини» места было много. И лежанка нашлась, и душ имелся, и даже биотуалет, который капитан Денница позорно обозвал «сортиром» вместо «гальюна». И поужинали сытно. От спиртного я отказался, чтобы не развезло с отвычки.

– Повезло тебе, что не куришь, – сказал Денница и разжёв неведомым образом свою трубку.

– А что?

– В городе бы мигом отучили... А, да я уже говорил... Видно, Альцгеймер приветки посылает...

Уж не поминал бы Альцгеймера! Беда с этой памятью. Постоянно приходится проверять. Ну да, ну да; допустим, «Семеро против Фив»: Полиник, Тидей, Адраст, Амфиарай, Капаней, Гиппомедонт, Парфенопей... Помню!

Вскоре «Герцогиня» величаво поползла по просеке, поливая окрестности щедрым сизым дымом («Что горело – то и залил!» – развёл руками хозяин).

Наконец пошли места, мне знакомые. На берегу вот этой речушки я, двенадцатилетний болван, оставил после прива-

ла мыло, и отец впервые в жизни обматерил любимого сыночка. А выражаться у нас в доме было не принято...

– Когда-то я здесь харьюза ловил, – с удовольствием вспомнил я. – Прямо на себе хлопнешь паута – и на крючок. И рыба непуганая была. Монтажники научили меня её сырой лопать. А потом стройбатовцы запрудили речку бульдозером. Пруд спустили, харьюз весь остался хвостами бить по грязи. Не столько сожрали, сколько сгноили...

– Пацаны же были, вечно голодные, – оправдал давних стройбатовцев капитан. – Значит, знакомые места?

– Бывал, – сказал я.

– И до города сколько осталось?

– А вот до следующей опоры доедем, я номер посмотрю, – сказал я, вовсе не уверенный, что вспомню давнишнюю нумерацию.

Этого и не потребовалось. Не было на опоре не только номера, но и самой опоры не было. Срезали её под корень. Из бетона печально торчали обезглавленные анкерные болты.

– Вот так, значит, они мне всю коммерцию испоганили, – горько сказал капитан Денница. – Дирижабли, видите ли... Ничего, я всё у себя внутри переоборудую – золото, бархат, лепнина, сауна, девки, – пойдёт турист, никуда не денется. Они, пока в лайне ждут, скучают! А деньги им там ни к чему... О! Я им экскурсии по старым лагерям устрою! Уес! Пусть напоследок полюбуются на рашен ГУЛАГ и порадуются, что они иностранцы!

– Да уж, – вздохнул я. – Праздник любования цветущей зоной...

От зоны естественным образом перешли к армейской службе. Я ничего особенного поведать не мог по той причине, что служба была скучная и секретная («Вот там тебе мозги и облучили!» – уверял Панин). Секреты же некоторые следует хранить при всех режимах. Не потому, что я такой уж патриот Союза, а... Потому что. Извините, так воспитан.

Зато капитан Денница, судя по рассказам, служил во всех родах войск и во всех воинских званиях одновременно. Мало того, он ещё оказывал всем желающим посильную интернациональную помощь на пяти пылающих континентах. Наконец Светозар Богданович добрался до щемящего эпизода своей героической гибели вместе со всей ротой в душманской засаде под ангольским городом Окаванго – и надолго замолчал, ища выход из онтологического тупика.

И таки нашёл:

– А всё почему? Потому что в Союзе порядка не было!

И раскрутился обычный разговор о судьбах незадачливой страны – как водится, до хрипа, до крика, до взаимных обвинений и перехода на личности.

... – А чего же ты тогда Сталина на лобовом стекле приклеил? – выставил я очередной аргумент.

– Где же это Сталин? – возмутился Светозар Богданович. – Ты глянь-ка глазами! Вам уже Сталин повсюду мерещится, торговцы отечеством! На воре шапка горит!

Я достал очки и вооружился. Уверен был, что портрет именно сталинский, других водители не признавали – в знак протеста против всего на свете.

Солнце пробивало насквозь небольшой постер, усеянный по краям желтоватыми пятнами клея. Просвечивала же и вправду не усатая физиономия, а обрамлённое бородой узкое лицо (лучше сказать – лик) с громадными скорбными глазами. Так некогда мадам Блаватская изображала Учителей Человечества.

– В католических странах дальнобойщики тоже Христа да святых прилепляют, – сказал я.

– Типун тебе на язык! – обиделся Денница, словно я обвинил его в порнографии. – Борода, не грузи меня своей простотой! Это же Бодаэрмон-Тирза! Ты заметил, что мы ни единого колеса не пропороли? И не пропорем, потому что фотка – заряженная!

– Очередной индийский гуру, – сказал я. – Свами Снами Сатананда. Сколько их было!

– Сам ты гуру! – обиделся речник-есаул. – Что бы мы без него делали? Сидели бы, как мыши под веником, да ждали, когда нас блуждающим астероидом Бриареем накроет!

Я знал, что спорить с неофитами тоталитарных сект – дело последнее, поэтому сказал:

– А-а, Тирза! Тогда конечно. А ты знаешь анекдот, как папа подарил грузинскому мальчику золотой пистолет с бриллиантами?

И рассказал этот довольно старый анекдот, и еще десяток вдогонку. Нет, ничего не изменилось в этом мире доверчивых дураков и бесстыжих проходимцев! Сами всё врут и сами всему верят. Крэмы они заряжают... Ты обманывал нас, сумасшедший певец, ниоткуда никто не вернётся...

2

В день Страшного Суда двери рая откроются для счастливых. Они войдут туда, возвращаясь, поскольку вернутся к жизни в самой совершенной из форм, сферической. Так рассказывает Ориген.
«Краткий очерк мистицизма»

...Вместо креста или ладанки Серёга «Лось» Панин носил на шее заламинированный для сохранности кусочек клеёнки из роддома. На бирке чернильным карандашом было написано: «Панин мальчик 6700». Тогда никакой книги Гиннесса в России не полагалось, но и без Гиннесса могучий младенец вырос в гиганта.

Гигант познакомился с Мерлиным на природе, когда обоим было лет по восемь, а Панины переехали в Крайск из какого-то дальневосточного гарнизона.

Дело было в пригородном бору, куда весь город выезжал на выходные. Серёжа Панин стоял возле огромного муравейника и увлечённо на него мочился, вызывая панику среди шестиногого населения.

– Мальчик, что вы делаете? – послышался за спиной тонкий, но строгий голосок.

Малолетний детина оглянулся. Позади него стоял явный зачуханец-зубрила (слово «ботаник» употребляли тогда только по прямому назначению) в вельветовых брюч-

ках-гольф и смотрел на Панина, как грозный родитель-майор.

Панин смутился и мигом заправил хулиганское своё хозяйство в шаровары.

– Мурашей обоссая... То есть обоссываю, – признался он вместо того, чтобы тут же накостылять этой самозваной Мальвине.

– А знаете ли вы, мальчик, что муравьи берегут лес от вредителей? Знаете ли вы, что они гораздо умнее людей? Знаете ли...

В следующие полчаса одуревший Серёжа Панин узнал, сколько видов муравьёв существует на земле, как они размножаются, как воюют, как заботятся о потомстве и культивируют грибы, как выращивают и пасут молочную тлю, как прокатываются огненной волной по джунглям, уничтожая всё живое, какая у них дисциплина и специализация, какие друзья и враги. Особенно потряс его хитрый жучок-ломехуза, что забирается в муравейник, дурманит обитателей особой жидкостью, а потом безнаказанно жрёт муравьиные яйца.

– Вот ведь суки драные, мать их Софья! – осудил он жучка. Образ же ломехузы навсегда вошёл в панинское сознание как символ самой распоследней ссученности.

Да к тому же зубрила умудрился в своём научном сообщении обойтись без единого связующего русского слова!

Панина считали тупым и учителя, и родители, но тут он

сообразил, что такое Рома Мерлин и сколько из этого Ромы выйдет пользы.

Поэтому он страшно обрадовался, когда по осени они с зубрилой оказались в одном классе. А родители Мерлина страшно обрадовались, что у сына появился наконец-то друг.

С тех пор Мерлин стал для Серёжи Панина и учебником, и справочником, и арифмометром, и логарифмической линейкой (ни калькуляторов, ни компьютеров ещё не было в ту пору, и как-то обходились), и счастливым билетом, и наперсником, и наставником. А Панин был для Ромы и телохранителем, и крепостным дядькой при барчуке, и консультантом – по жизни и по девушкам.

Тогда Мерлин и получил прозвище Колдун – за безошибочные, по мнению профанов, прогнозы. Про короля Артура и его команду в те годы слышали немногие...

Юность их развела, но не навсегда.

Панин унаследовал от папаши не только «мать их Софью», но и солдатскую закваску, пошёл в военное училище и стал вертолётчиком, потому что, несмотря на габариты, мечтал летать.

Налетался он вволю. Над Гиндукушем, над Хайберским перевалом, над долиной Пяти Львов, над Кавказом...

Мерлин отслужил в хитрой своей части и продолжил образование по гуманитарной линии. Панина ему здорово не хватало. Гонор-то остался, а драться было некому.

Долгой вышла разлука. Многое в неё вместилось – целая

эпоха.

С приходом нового времени оказалось, что ни военные вертолётчики, ни мирные историки никому больше и на фиг не нужны.

Встретились друзья случайно, в гнусной парковой забегаловке, окружённые толпой таких же растерявшихся и матерящихся мужиков. Забегаловка была оборудована в том самом пригородном бору, вырубленном нынче практически подчистую.

– Минетжеры на Русь пришли. Правда-правда, я сам в «бегущей строке» объявление видел – «Требуется опытный минетжер». Самое то для них название – присосались к Отечеству... Но я своё дело открою, конкретное, – глядя в никуда, угрожающе сказал Панин.

– А первичный капитал? – безнадёжно спросил Мерлин.

– Есть кое-что, – туманно сказал Панин. – Не зря же я столько лет по свету мотался. Бабок туева хуча. Зацепил в одном ауле два мешка фальшивых долларов.

– Так они такие же доллары, как этот шашлык – баранина!

– Ну и что? Два мешка фуфла – полмешка настоящих!

– У меня тоже есть кое-что в смысле идей, – сказал Мерлин. – Сам-то я, конечно, этим заниматься не буду, натура не та, но...

Мерлин был и остался теоретиком, зато хорошим. Идею свою он растолковал в двух словах.

– Это же нагибалово! – вскричал честный владелец липо-

вых долларов. – Это же «письмо счастья»!

– Верная аналогия, – кивнул Мерлин. – Только надо вовремя соскочить...

Последовала бурная, но, в сущности, скучная и типичная для тех времён история – фирма, крыша, банда Аскара Глистаева, уголовщина, жуткая ловушка в покинутом военном городке Кедровый, придуманная Мерлиным... Вернее, не придуманная, а вычитанная в старой книге и носившая название «Раздразнить обезьяну в Чэньду, чтобы засохла слива в Сяньши». Ловушка была такая жестокая, что у Мерлина в голове что-то с хрустом надломилось...

А вот с Паниным, Костюниным и Лымарём, непосредственно осуществлявшим элиминацию, ничего особенного не произошло. Романа же Ильича, знатока древнекитайских стратагем, пришлось поместить в соответствующее лечебное заведение – правда, Панин предупредил персонал: в случае чего кости переломают не только санитарам, но и профессору Чурилкину.

– И чего ты, Колдунище, распсиховался? – дивился Панин. – Да весь ихний народец одной твоей башки не стоит! Гуманист расплюев!

Панин был непреклонно убеждён, что Колдун – он колдун и есть. Нелепые с виду выводы и решения Мерлина, взятые вроде бы с потолка, давали неизменно хорошие результаты. Поскольку люди помнят лишь сбывшиеся предсказания...

Наконец Мерлин покинул психушку и сказал:

– Всё. Выхожу. Семью я потерял, родителей схоронил, жить в вечном напряге нет мочи. Минетжера из меня не получится. Капитализм строить не хочу, потому что это тоже тупик. Почитать некогда! Всё, Серёжа, меня Пряников в родной универ зовёт. И доли мне своей не надо. Дурные деньги.

– Ты сам дурной! – устыдил Панин. – Семья гавкнулась потому, что ты женился без моего разрешения на этой ломехузе...

– Ты же тогда в госпитале загибался!

– Не влияет значения. Мог бы и потерпеть, – укоризненно сказал Панин. – Ровню надо было брать. Вон Хуже Татарина – женился на Розке своей по родительской воле, и живут как люди, Коран соблюдают. А ты – на ложный залёт купился...

Хуже Татарина было прозвищем Рима Тимергазина – из ихней же компании. Рим работал врачом в клинике, принадлежащей Панину. И хороший детский врач из него получился. Панин его даже в Мекку отправлял – для поощрения. Там старину Хуже стали переманивать в Эмираты – новоявленный ходжа не поехал...

На фирме у Панина всё было своё – и врач, и адвокат Дима Сказка (его фамилия исключала всякую кличку), и Гриша «Скелет» Костюнин – для конфиденциальных поручений, и много кто ещё из старых друзей. Нужно было держаться друг за друга. Мерлин придумал и название фирмы – «Фортеция», – и лозунг, переделанный из популярного стихотворе-

ния:

Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если мы гореть не будем —
То никто и не сгорит!

Панин успел вовремя выскользнуть из списка богатых вольнодумцев, потому что не пренебрегал советами Мерлина и считался с некоторыми пор «национально мыслящим и социально ориентированным предпринимателем». Кстати нарисовался и энтузиаст воздухоплавательного дела – Костя Лейзарович по прозвищу Штурманок.

Панин за бесценок приобрёл завод по производству автоприцепов, и через некоторое время над Крайском проплыл первый дирижабль...

Глава 3

1

...Просеке не было конца, а я всю дорогу продолжал сокрушаться о человеческой легковёрности:

– И почему люди на всякую дрянь ведутся? Почему любой шарлатан способен их выпотрошить, обобрать, лишить здоровья и самой жизни? Где самостоятельные мужики? Где вековая бабья мудрость? Где, наконец, элементарная жадность? О детях бы подумали!

Но разорялся я с большими обобщениями, стараясь не намекать на личное безумие липового капитана.

– Всё ты верно, борода, толкуешь, – откликнулся Денница. – Только Бодаэрмон-Тирза для того и пришёл, чтобы покончить с этими шарлатанами, чтобы окончательно спасти человечество... Да что я тебе элементарные вещи объясняю? Для того он и мучается, для того и страдает...

– С чего это он страдает?

– Тяжело же ему у нас! Попробуй походи в этом... экзоскелете! Да ещё всякая земная хворь цепляется к нему – иммунитета-то нет! Из реанимации не вылезает!

В сумасшествии капитана была какая-то строгая система.

Но в чём она заключается, я так и не узнал, потому что

Денница разразился самыми грязными ругательствами:

– Ай, сгибаться вшам на лысой голове синим конём сто лет! Накаркал! Напросился! Ай, ну что бы нам, звездоплётам тупорезным, отсидеться до ночи! Подумаешь – сутки потеряем! А всё ты – засветло доедем, засветло доедем! Вот и доехали к чертям в зубы!

– В чём дело-то?

– Ночью черти боятся выходить, – объяснил есаул-капитан. – Ну, выскочили бы, дали вслед пару очередей... Не факт, что попадут... Держись, борода! Пан или пропал! Бабки готовь!

Бабки у меня были – разноцветные рубли, зелёные доллары, бледные евро...

Блокпост – строение, окружённое выщербленными бетонными плитами, – появился как-то внезапно. За шлагбаумом, преградившим просеку, бездорожье кончалось, и начиналось обычное асфальтовое шоссе.

«Герцогиня» пошла медленно-медленно.

– А кто сейчас-то мешает на прорыв? – предложил я.

– Днём мы и километра не проедем – по тревоге нас с вертушки ракетами сожгут, – объяснил Денница.

– Так они и ночью... – начал было я.

– Ночью они боятся! А теперь молись своему староверскому богу... Ну кто бы знал, что по просёлку асфальт положат! Что пост здесь поставят ради нас! Кто по этой просеке ходит? Грибники? А всё из-за тебя!

– Как из-за меня? – я так и не привык к странному, но исконному русскому обычаю винить в несчастьях всех, кроме себя.

– Уес, спугнул ты мою морскую фортуна, борода... – безнадёжно сказал Денница и заглушил двигатель.

Из-за плит вышло несколько вооружённых автоматами людей в угольно-чёрных комбинезонах и с огромными головами. Я поспешно напялил очки и понял, что это не головы огромные – просто траурные свои чалмы сикхи намотали вместо весёленьких ооновских касок...

Бред капитана Денницы оказался правдой. Правда вообще любит проявляться в самых неподходящих местах и в неурочное время. Это были настоящие темнолицые бородастые индусы со всеми сикхскими атрибутами – на поясе у каждого короткий меч, под погон заправлен стальной гребень, на левой руке – стальной же браслет.

Сикхи мрачно сверкали антрацитовыми глазами, лопотали что-то по-своему и жестами предлагали нарушителям покинуть такую родную кабину.

– Ничего, я английский знаю, – попытался я оправдать своё никчёмное существование. И прочитал нагрудную нашивку у одного из солдат: «UN Charity Forces». Ага, значит, вот откуда «черти»-то взялись! Черити! Да разве можно с таким словом в русскоязычную среду лезть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.